

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДОВАЛО 1854–1868

1

Первые двадцать три года жизни «Журнала Министерства Народного Просвещения» его редакцией заведовал писатель Константин Степанович Сербинович. Министр граф Уваров не ошибся, остановив выбор именно на нём. В свои 36 лет главный редактор был не только хорошо образован (он окончил Полоцкую иезуитскую академию), но проявил себя и человеком государственным, крепким, способным администратором. В 1826 году за труды в «Комиссии, учреждённой для изыскания о злоумышленных обществах», он был награждён орденом Владимира 4-й степени и назначен цензором Главного Цензурного Комитета. Известно, например, что летом 1827 года Сербиновича командировали в распоряжение Петербургского генерал-губернатора для какого-то секретного следствия в Петропавловской крепости. В расследовании декабрьского восстания он, в частности, работал как переводчик польских бумаг.

Во все времена способных и работающих начальство норовит нагрузить дополнительными обязанностями. Вот и редактор крупнейшего журнала Константин Степанович в 1834 году назначается главой Комиссии для издания актов, собранных Ар-

В 50-е годы XIX века журнал продолжал выходить, являясь официальным изданием Министерства народного просвещения. Его история продолжалась.

Профессор К. Зеленецкий в своей речи о Пушкине (30 августа 1854 года) сказал, что предметом его беседы есть «простое указание на те из произведений Пушкина, которые имеют художественно-национальное значение», и что он считает «не лишним высказать предварительно несколько слов и замечаний о задаче Поэзии в отношении к жизни народа и к нравственному началу его национальности. Эти общие замечания сами собой приложатся к тем из сочинений Певца «Полтавы», которых содержание составляет Русская жизнь, чувства и быт Русского народа. Далее же мы будем говорить словами самого Поэта, тем более что вся наша задача состоит в том только, чтобы обратить внимание на его *национальное значение*.

Поэзия имеет более возвышенное и важное значение в жизни человека и даже в быту общественном, нежели как думают обыкновенно. Недаром Древние, коих творчески-художественный смысл угадал и постиг столь многое в жизни, в Искусстве и в Науке, чествовали Поэтов как любимцев Олимпийских небожителей. На светлой же заре своей образованности они считали Певцов-Поэтов прорицателями священных истин и облекали их в почётный сан жрецов. <...> Сколько истин, отрадных для сердца, преподали современному человечеству Шекспир и Гёте. Сколько благородно-одушевлённых, глубоко нравственных страниц находим мы у Шиллера и у наших Лириков. Причина этому заключается в том, что на долю Поэзии выпало одно из прекраснейших начал духовной жизни человека: это — эстетическое или изящное чувство. <...> изящное чувство носится в обаяниях фантазии. Фантазия устроена для него особую сферу, насыщает её образами, милыми сердцу, но сперва таинственными, и в этих образах воплощает для него его верования и любимые мечты. Тут зарождается творчество, которое сначала обуславливается только чувством и фантазией, а потом, в эпоху более созревшей народной образованности, и творческим умом.

географической экспедицией. Сам государь повелевает командировать его в Киевскую губернию для разбора и приведения в порядок государственных бумаг, оставшихся после смерти действительного тайного советника Д.П. Трошинского. Вскоре после этого Сербинович становится главой Комитета для размещения возвратившихся из Германии русских учёных. Но и этого мало: в 1836 году его высочайше определяют директором канцелярии обер-прокурора святейшего синода с оставлением в должности заведующего журналом. Исполнял он и многие другие далёкие от редакторских государственные поручения, например, был членом Комиссии прошений. Прожил 77 лет и скончался в чине тайного советника (приравнялось к генерал-лейтенанту). Он — кавалер ордена Владимира трёх степеней, Александра Невского и ряда других.

Сербинович был в длительных дружеских отношениях с Карамзиным. Как писатель он проявился, оставив о нём интересные воспоминания, напечатанные в журнале «Русская старина» за 1874 год. Перо мемуариста Сербиновича не обошло вниманием и ещё одну яркую личность — министра просвещения, адмирала, писателя и учёного-филолога Александра Семёновича Шишкова («Русская старина», 1899).

Иначе, чем сердечными и трогательными, не назовёшь отношения Сербиновича с Гоголем.

Вид города Севастополя. 1850-е годы

2

Однако восстановим порядок повествования и вернёмся в конец 1853 года к событиям тяжёлой, закончившейся поражением Крымской войны, но ознаменованной подвигами адмиралов Нахимова, Корнилова, великого хирурга, великого педагога Пирогова и беспримерным героизмом тысяч солдат, офицеров, матросов. И отметим факт, по сути, банальный: журнал — не газета, Крымской войны он просто не замечает. Те же рубрики, та же тема

С.М. Соловьёв

тика. «О сношениях Норманнов с Востоком», «О необходимости Наук для успеха искусств и ремёсел», «Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения Русских Восточным языкам», «Памятник Жуковскому в селе Поречье», и даже, что не укладывается в воображении: ведь идёт война с Англией! — «Посещение Британского Музеума Ея Императорским Высочеством Великою Княгиней Марию Николаевною».

В 84-й части журнала за 1854 год наконец-то появляется долгожданное сообщение: «Перевод «Кавказского пленника» Пушкина на Чешский язык» и «Новое издание сочинений Пушкина» на родине. Возможно, мы ошибаемся, но раньше 1854 года имя Пушкина нам в журнале не попадалось.

И это похоже на анонс, поскольку уже в следующем номере напечатана 30-страничная «Речь, читанная на годичном акте Ришельёвского Лицея, 30 Августа 1854 г., О ХУДОЖЕСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА».

В этом же номере журнала в связи со столетием Московского университета напечатаны статьи академика М.П. Погодина «Воспоминание о Ломоносове» и «Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове», подписанное Сергеем Михайловичем Соловьёвым (1820—1879). Он был ректором этого университета в 1871—1877 годах, и его титанический труд «История России с древнейших времён», состоящий из 29 томов, актуален и востребован до сих пор.

3

Журнал, как правило, предоставляет свои страницы весьма именитым персонам своего времени. Например, в 86-й части есть статья «Введение в педагогику» профессора Киевского университета, автора первого в России философского словаря «Философский лексикон» Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого (1813—1889); помещены статьи об академике Андрее Михайловиче Шёгрёне (1794—1855), создателе первой осетинской грамматики и многого другого, а также об авторе «Истории германского государства и права» академике Карле Фридрихе Эйхгорне (1781—1854).

В рубрике «Разные Известия» напечатаны «Траурный акт в Императорском Дерптском Университете по случаю кончины в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича» и «Дань Императорского Русского Географического Общества памяти в Бозе почившего...». В этой же рубрике помещён и «Некролог» на 24 полосах.

В сфере изящного чувства, трепещущей биениями сердца и деятельной в игривых мечтах, пламенеет то, что священно для каждого, у кого есть родина и есть предки. Это — национальность. Национальность каждого народа, эта особенность его духовного образования, проявляется во всех началах и отраслях его деятельности, но ни в одной из них не таится она так глубоко и не обнаруживает себя в таких ярких чертах, как в изящном чувстве. Причина этому в том, что чувство этого рода, всего более отрешённое от условий внешности, хранит в себе и бережёт утончённейшие движения души и сердца, в их целомудренной чистоте, во всей святости их национального характера. Потому-то национальность каждого народа всего прежде и полнее высказывается в произведениях его изящного чувства, то есть в его песнях, сказках и поэтических вымыслах.

Мы приводим здесь эти, казалось бы, общие рассуждения профессора лица только потому, что *всё это о Пушкине и всё это в нашем журнале* сказано впервые 150 лет тому назад.

И далее, говоря о Поэзии и думая при этом о герое своей статьи, Зеленецкий продолжает: «Она собирает круг близких сердцу у семейного очага и, как некий благодатный гений, стережёт непорочность души, ведёт её по отеческим полям и сёлам, указывает на родное небо, на озеро, принадлежавшее дедам, и на лес, разведённый отцом, ведёт на старинное кладбище, где почивают тени предков, вводит под отчий кров, где дряхлый дед собирал внуков в одну семью у матерняго лона, приводит и в храм Божий — обитель тёплой молитвы. <...> Жизнь Русская своеобразна, как и всякая другая, исторически-самобытная и коренная. Она так глубоко зарождена в своём народе и так горячо пламенеет в его сердцах, что не может не найти своего художественно-изящного выражения в образах и идеалах Поэзии. Ещё в Державине тепло и одушевлённо билось Русское сердце, но пора самобытного творчества при нём не настала для родной Музы нашей. Услуга Жуковского — в том, что он, как «гений чистой красоты», приблизил Русскую Поэзию к этой поре. Но только с явлением Пушкина настает эта пора во всей полноте и окончательности своего проявления».

Переходя затем к анализу творчества Пушкина, профессор только перечисляет произведения, взятые не из русской жизни: «К морю», «Демон», «Ангел», «Я пережил свои желанья», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Последняя туча рассеянной бури», а также более крупные: «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и снисходительно констатирует, что «в них много глубокого изящества и окончательной художественности».

Зато другим, взятым из русской жизни, места отводится изрядно.

«В поэме «Руслан и Людмила» юношеская кисть Поэта, пленившись чарами народных, полуязыческих верований, пыталась воссоздать древне-Русский, сказочный мир. Тут муза Поэта лелеяла себя одними образами фантазии, цветистой и роскошно-игривой. Она отрешена была, однако ж, и от глубины чувства, и от теплоты душевной, и от творчески-поэтического вымысла. Следов действительной жизни в сказочном мире искать нельзя. Здесь, пожалуй, есть многое, что входит в обстановку народности и служит её наружной принадлежностью; но нет того, что составляет её душу, нет народного чувства нашего, для которого эпоха Южной, Киевской Руси слишком отдалена. Словом, здесь есть внешнее и притом давно минувшее и нет внутреннего, нет той национальности, которая темно и безразлично зарождается в прошедшем и всей полнотою сил созревает и проявляется в настоящем». Как видим, мнение профессора о «Руслане и Людмиле» очень сильно отличается от современной оценки этого творения».

Затем Зеленецкий продолжает: «Почти то же должно сказать и о четырёх Русских сказках Пушкина: «О царе Салтане», «О мёртвой царевне» «О золотом петухе» (именно петухе!) и «О рыбаке и рыбке», равно как и о народной драме «Русалка», в которой, впрочем, шутившая песня в княжеском терему:

Сватушка, сватушка,
Бестоловая сватушка!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили».

Снисходительно порассуждав ещё немного, профессор заключает: «Все эти произведения относятся к позднейшей поре деятельности нашего Поэта, когда уже столь многое из нашей жизни было воссоздано им в поэтических образах; но — можно сказать — эти четыре сказки и опера были делом досуга и поэтической забавы среди творческих минут вдохновения».

Далее идёт анализ, скорее описание стихов «Телега жизни», «Дорожные жалобы», «Зимняя дорога», «Кавказ подо мною», «Череп», «Зима. Что делать нам в деревне» и других. Описано так просто, как ныне делает почти любой старшеклассник. И тут же вслед за этим Зеленецкий сменяет «гнев на милость» и мы читаем: «Из всех Пушкинских произведений небольшого объёма настоящую драгоценность составляют некоторые из его баллад. Это: «Пир Петра Великого, Утопленник, Лусар, Буря и Зимний вечер». Первая из них, имеющая историческое значение, в поэтическом свете представляет и могучего гения, преобразователя России,

А за 8 дней до своей смерти император подписал «Высочайшие Повеления о пожертвованиях по случаю настоящей войны, сделанных по ведомству Министерства народного просвещения».

«Чиновники, преподаватели, воспитанники, воспитанницы учебных заведений Министерства Народного Просвещения, движимые чувством <...> жертвовали в пользу раненых и семейств убитых воинов 14 195 р. 16 к. сер.». И кроме этого в докладе государю сообщается и о других личных жертвованиях и патриотических поступках. На что император «Всемиловнейше соизволил на принятие означенных жертвований и с объявлением жертвователям и другим лицам благодарности за их жертвования и усердие, как изъяснено в прилагаемой подробной ведомости». Эта ведомость занимает 13 страниц журнала.

А.В. Никитенко

В следующем номере видим печальное сообщение: «От-

певание тела Графа С.С. Уварова и панихида о упокоении души его», а также «Очерк жизни и трудов Князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова», тоже бывшего министра просвещения, умершего в 1853 году при исполнении служебных обязанностей. Заменял его на этом посту Авраам Сергеевич Норов, герой Бородин. Он много писал в стихах и прозе, был известным учёным-филологом.

Кресло и неумолимое цензорское перо главного редактора от Сербиновича перешло в 1856 году к действительному статскому советнику (соответствовало генерал-майору) Александру Васильевичу Никитенко (1804—1877). Его биография — убедительное доказательство того, что, несмотря на сословную систему образования, талантливые и одарённые дети крепостных оказывались замеченными и получали университетские дипломы и профессорские кафедры.

Отец Саши был малороссийским крепостным графа Н.П. Шереметева, знал грамоту и умел объясняться по-французски. Сына воспитывал сурово, считая, что «пожалеешь розгу — испортишь ребёнка». Саша вспоминал, что ласкового слова от отца он почти не слышал. В 1818 году он первым учеником оканчивает трёхклассное Воронежское уездное училище, но, как крепостному, доступ в гимназию ему был заказан. Однако пятнадцатилетний грамотей добивается возможности учительствовать в семьях купцов и чиновников в уездном Острогожске. Он был крайне самолюбив и не скрывал стремления руководить другими. Через четыре года он замечен самим предводителем дворянства В.И. Астафьевым

и становится его секретарём по вопросам Библейского сотоварищества. Александр активен на этом поприще, глубоко изучает Библию и удостоивается чести выступить с речью на первом заседании общества, которое вёл министр просвещения князь А.Н. Голицын. Это выступление было замечено князем и при его поддержке, а также участии К.Ф. Рыльева, А.М. Муравьёва и Е.П. Оболенского Никитенко в октябре 1824 года получает «вольную», а в 1825 году по протекции князя Голицына поступает вольнослушателем, а потом и студентом философско-юридического факультета Петербургского университета.

В Петербурге он живёт на квартире у Оболенского, на жизнь зарабатывает репетиторством. Сближается с К.Ф. Рылевым, Ф.Н. Глинкой, Я.И. Ростовцевым. Сочувствует «отважным умам», сам считает крепостное право злом, однако попытку своих новых друзей «одним махом решить вековые злобы» не одобрил и не поддержал.

В мае 1827 года Никитенко познакомился с Анной Керн, в доме которой он встречался и с Пушкиным. Увлёкся ею, но наметившемуся было роману она всё же предпочла старую дружбу с Поэтом.

В 1830 году он допущен к чтению курса лекций по политической экономии в Петербургском университете и одновременно русской словесности в Смольном институте благородных девиц. Его продвижение по «университетской лестнице» весьма стремительно: в 1832 году он адъюнкт-профессор, в 1834-м — экстраординарный профессор, а с 1850 и до 1864 года — профессор самого respectable университета России. Он много и не только в университете преподаёт, а также инспектирует учебные заведения С.-Петербургского округа. Его лекции весьма популярны. Студенты почитают красноречивого, глубоко знающего предмет бывшего крестьянина, добившегося всего своим трудом.

В 1833 году он был замечен графом Уваровым и назначен цензором. Известны его конфликты с Пушкиным, в частности, при подготовке к публикации поэмы «Анджело». Однако хотелось бы воздать и должное цензору Никитенко: это он в 1842 году одобрил к печатанию «Мёртвые души» Гоголя, изменив, правда, название на «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». Сам же цензор сравнивал исполнение своих обязанностей с хождением по лезвию бритвы. От себя добавим, что Николаю Васильевичу дважды повезло в жизни с цензорами: его «зарубленно-го» цензурой «Ревизора» разрешил к постановке в 1836 году сам император, а «Мёртвые души» с риском для карьеры — наш герой Александр Никитенко.

Авторитет его в литературных кругах весьма высок и не случайно он много лет в 30-е и 40-е годы был цензором «Отечественных записок», когда там печатались М.Ю. Лермонтов, В.Ф. Одоевский, А.В. Кольцов, В.Г. Белинский. Через десять лет после Пушкина Никитенко на два года становится официальным главным редактором «Современника».

которым началась новая жизнь её, и этот юный городок, которому вскоре суждено было сделаться прекрасной и великолепной столицей обширного царства. Здесь Пётр Великий у себя, дома, в своём новосозданном Петербурге. <...>

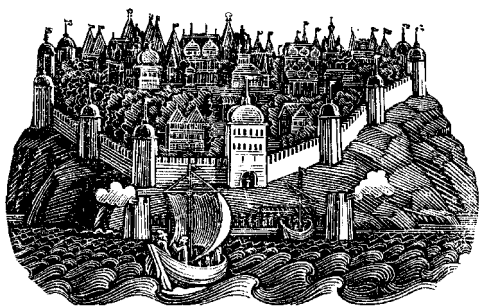
В царском доме пир весёлый:
Речь гостей хмельна, шумна,
И Нева стрельбой тяжёлой
Далеко потрясена. <...>

Затем идут, без преувеличения, восторженные комментарии к балладе «Утопленник», а также к «Гусару» и «Бесам». Профессор, видно, изрядно попутешествовал по российским дорогам и натерпелся всякого, а поэтому

к его словам стоит прислушаться: «Баллада «Бесы» есть, без сомнения, одно из лучших произведений нашей Поэзии. Всем, кто ночью, в метель и вьюгу, ездил по снежным равнинам Северной России, хотя бы между Тверью и Новым городом, знакома грусть, которую на душу одинокого путника наводят и заунывная песнь ямщика, и ровный бег его тройки под однозвучный колокольчик, и ель, и сосны по дороге, и небо, слившееся с воздухом в снежном тумане. Но когда понесёт метель и завоет вьюга, тогда робкое чувство, дружась с суеверным воображением, готово приписать эту тяготу душевной злобной потехе самих бесов. Оно пугается их и, теснясь в себе самом, ищет отогреться. Пришед же в себя и успокоившись, оно мечтает уже, что и различает бесов, и создаёт из них особый мир — фантастическое олицетворение разъярённых стихий Природы. Поэт постиг эту суеверную робость сердца, переселился в мир, созданный его мечтой, и в образе бесов, терзающих сердце путешественника завыванием вьюги и метелью, как нельзя полнее воссоздал впечатление действительности. При чтении этого стихотворения невольный трепет объёмлет душу. <...>

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной тишине,
Визгом жалобным и воём
Надрывая сердце мне. <...>

Баллада «Зимний вечер», имеющая много открытого лиризма, отличается опять глубоко-эмоциональным, меланхолически-отрадным чувством. Это тихое раздумье, сквозь которое отраднo светит луч сердца, растворённого любовью и надеждой, составляет одну из нежнейших сторон Русского чувства». И он приводит почти всё стихотворение.

Профессор Зеленецкий, не вдаваясь в подробности, даёт высокую оценку «Повестям Белкина», «Пиковой даме», «Барышне-крестьянке», «Дубровскому» и «Летописи села Горюхина» (*именно Летописи, а не Истории*).

Он очень обстоятельно и с явным пиететом пересказывает содержание «Бориса Годунова» и приводит в тексте множество великолепных отрывков. На это щедро отводится пять страниц журнала. Тем, кто профессионально занимается Пушкиным, думается, было бы важно прочитать всю эту речь в Ришельёвском лицее.

Затем профессор анализирует «Полтаву», в которой Пушкин «...во всех подробностях описываемой жизни и во всех цветах и оттенках поэтического колорита, обличает и время, и место действия — благорастворённую воздухом Малороссию», на шести журнальных страницах.

Зато Зеленецкий очень кратко отзываясь о «Капитанской дочке»: «...исторический роман, который в художественном отношении есть, конечно, одно из совершеннейших произведений в своём роде, представляет живую картину временной смуты в Юго-Восточной России, в ту пору, которую отцы наши называли «Пугачёвщиной». Роман этот привлекает нас к себе множеством всякого рода подробностей Русской жизни ещё недавнего времени. Они рассеяны во всех главах его. <...> И в каком дивном, нравственном величии является в нём мудрейшая и прекраснейшая из Государынь, Царица Севера. Вообще должно согласиться, что Поэт воссоздал для нас эпоху Пугачёвщины с изумительной верностью».

Автор с видимым удовольствием заводит речь об «Евгении Онегине» с того, что Пушкин начал писать его, живя в Одессе. В этом романе «современный столичный и сельский быт нашего дворянства нашёл полное художественное выражение. <...> В нём быт этот, воссозданный в идеально-благородных очертаниях, эстетически прекрасен и заставляет ценить себя, дорожить собою

В конце 1853 года новый министр просвещения Авраам Сергеевич Норов привлекает Александра Васильевича для исполнения особых поручений и ему приходится делать за министра самую трудную и ответственную часть работы. С 1856 года он на четыре года становится заведующим «Журналом Министерства Народного Просвещения» и надо воздать ему должное за то, что руководство им он передал Константину Ушинскому, а сам вскоре стал главным редактором правительственного офицоза — газеты «Северная почта». Министр внутренних дел П.А. Валуев предназначал её «служить руководительницею русского общественного мнения».

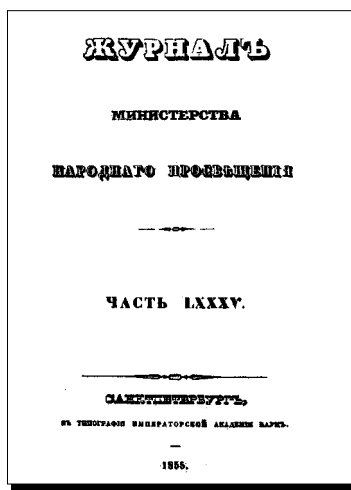
Видимо, крестьянская закваска была основой трезвого и практического склада ума Никитенко, его, как бы сейчас сказали, прагматизма, утверждения приоритета реальной деятельности и отвержения пассивного или фатального восприятия жизни. И кроме этого он, как глубоко религиозный человек, в принятии решений руководствовался не только здравым смыслом, но и высшими понятиями и убеждениями.

В истории России тайный советник А.В. Никитенко остался как выдающийся литературный критик, историк литературы, академик Петербургской АН. Многие его труды, в частности знаменитые «Дневники», которые он вёл с 13 лет почти без перерыва, востребованы и сейчас.

Итак, мы вступаем с новым главным редактором в новый период российской истории. Окончилась в 1856 году бесславным Парижским миром Крымская война. Но страна оказалась на пороге «Эпохи Великих реформ», начавшейся через пять лет.

Журнал стал постепенно изменяться и по содержанию, и по вёрстке, и даже по качеству бумаги. Мы видим в 92-й части (напомним: так назывались тогда выпуски журнала) за 1856 год знаменитую статью попечителя Одесского учебного округа Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) «Вопросы жизни», в которой великий врач выступает как выдающийся педагог со своим мировоззрением и твёрдыми убеждениями в необходимости серьёзнейшей модернизации российской системы просвещения. Пересказывать статью бессмысленно. Думаем, её стоит опубликовать в первозданном виде в одном из номеров «Народного образования».

Основоположник мировой военно-полевой хирургии, Н.И. Пирогов родился в Москве, в семье военного чиновника. Четырнадцать лет он поступает в Московский медицинский институт, в 1828 году оканчивает его и продолжает образование за рубежом. В возрасте 26 лет Пирогов получил звание профессора и возглавил хирургическую клинику в Дерптском университете. Через пять лет (в 1841 г.) Пирогов был приглашён в Петербургскую медико-хирургическую академию, где и прослужил почти пятнадцать лет (1841–1856 гг.) до своей отставки. Здесь он создал первый в России анатомический институт, здесь плодотворно работал в годы Крымской войны, здесь 16 октября 1846 года про-

вёл первую в мире большую хирургическую операцию под общим эфирным наркозом. Это было событие первостепенного масштаба в истории мировой медицины. Пирогов сделал всё для того, чтобы эфирный наркоз вошёл в практику русских госпиталей. В 1847 году Николай Иванович отбыл на Кавказ, на войну, чтобы использовать своё открытие в боевых условиях. Да, вот таков был автор нашего журнала — великий патриот и подвижник!

4

В этом же журнале (в части 92-й) — статьи К.Я. Тимофеева «Генрих Песталоцци» и известного читателям современного журнала организатора и администратора образования Я.М. Неверова «Царствование Императора Николая I в отношении к просвещению России вообще и Кавказского края в особенности».

«Изоминка» номера — первое упоминание о 22-летнем Д.И. Менделееве: «Публичное защищение диссертации на степень магистра старшим учителем Менделеевым».

В 95-й части журнала обнаруживаем ещё одну статью вышеупомянутого Тимофеева «Воспитание и воспитатели», а также несколько высочайших повелений, касающихся образования евреев: «Об открытии в г. Керчи казённого Еврейского училища 1-го разряда», «Штат Варшавского раввинского училища» и «О порядке избрания раввинов», «Об объявлении высочайшей благодарности раввину Гурлянду. Часть 120».

Хотелось бы обратить внимание на статью академика Я.К. Грота в 98-й части 1858 года «В каких изданиях наша литература особенно нуждается?». А кто сейчас способен взять на себя смелость и написать подобную статью-призыв?

В этом же номере помещён Отчёт министерства за 1857 год с резолюцией императора: *«Искренно благодарю бывшего министра народного просвещения за благие и чистые его намерения. Да поможет Бог его преемнику вести важную сию отрасль государственного управления к истинной пользе России»*. Итак, преемником Норова стал Евграф Петрович Ковалевский — учёный-этнограф. Он был первым министром, назначенным Александром II после вступления на престол, и направление, данное Ковалевским своему ведомству, гармонировало с эпохой великих реформ. Кроме того, именно Ковалевский в мае 1860 года поставил заведовать журналом К.Д. Ушинского.

и любить любовью сына материнские седины и родительский дом. Тут-то, в картинах этого быта, душа не возмущается ничем, сердце бьётся теплее, а успокаивающее чувство становится отраднее».

Совсем близко от Одессы в Крыму идёт война, и Зеленецкий привлекает Поэта к защите Отечества. «Наконец, и великие события современного царствования нашли звучный отголосок для себя в лире Поэта, которая вторила всему, чем в летописях человечества красуется и возвышается Отечество наше. Пушкин, как истый сын России и как представитель его народного духа, не мог не сочувствовать славе своего Царя и Отечества. И лира его отозвалась дивными звуками. Когда Парижские «мутители палат» распалили бунт в Варшаве, он пел, вдохновенный величием и силою России, пел в ответ на их нарекания и пустословные угрозы:

Вы грозны на словах: попробуйте ж на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой Измайльский штык?
Иль Русского Царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново,
Иль Русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От Финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?

Пушкин пел и падение Варшавы, эту славную годовщину Бородина, — и сколько возвышенных мыслей, сколько благородно-патриотических чувств высказано им по этому поводу.

Таким образом, в лице Пушкина имеем мы в полном и высоком смысле национального Поэта, произведения которого столь же дороги Русскому сердцу, как животворный огонь родного очага. <...> И Великий Монарх, Отец Отечества, провидел это значение Пушкина как Писателя, который дорог Русскому сердцу, и призрел Поэта и его семейство у Своего престола, — у того святодержавного Престола, у коего Отечественная образованность и просвещение находят твёрдое и надёжное убежище для себя».

В следующих номерах немало статей посвящены образованию детей горских племён Кавказа, проектам уставов горских школ, их штатам и тому подобное. Не забыты и победители. Читаем: «Об учреждении штатов Новочеркасской гимназии и окружных училищ Войска Донского». Любопытна информация «Посещение Шамильём Калужской гимназии».

Константин Дмитриевич Ушинский очень существенно поменял курс журнала. Отделом первым стала рубрика «Педагогика и дидактика», и мы видим в ней его статьи «О нравственном элементе в русском воспитании», «Ответ на рецензию г-на Толля», статьи Юлия Рехневского, будущего главного редактора, — «Очерк истории народных школ в Германии», «О приёме учеников в приходские училища» Алексея Весского, «О проекте устава низших и средних училищ» Михаила Носкова и прочее. Отдел второй — это рубрика «Науки вспомогательные». Находим в ней «Материализм и задачи философии» известного отечественного религиозного философа Памфила Даниловича Юркевича (1826–1874) и переводную статью «Гегель и его время», а в отделе третьем «Критика и библиография» — «Руководство к Педагогике Шерра», «Систематический Указатель книг и журналов, изданных в России в первом полугодии 1860 года (в особом приложении)» и многое другое.

К.Д. Ушинский

Но не всё было безмятежно на горизонте журнала. Самодержавие есть самодержавие, и регламентация жизни порой доходила до комизма. Чего только стоят опубликованные в журнале Высочайшие повеления, то есть документы, подписанные царём: «О дозволении поместить в актовом зале Ларинской гимназии портрет покойного директора оной Фишера», «О дозволении действительным статским советникам Витте и Медлеру носить пожалованные им иностранные ордена», «О дозволении по-

ставить в одной из зал Казанской 1-й гимназии портреты нынешних: министра народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа», «О прекращении на 8 месяцев издания журналов «Современник» и «Русское Слово». И наконец, «Временные правила книгопечатания» — они интересны от первой до последней строки, но приведём лишь небольшой отрывок: «Во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной власти и её атрибутов, уважение к Особам Царствующего дома, непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого». «Не допускать к печати статьи: а) в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому, и б) в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы». «Не допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящих к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии».

Подчас хочешь, как лучше, а получается совсем наоборот (это об Александре II).

...4 апреля 1866 года дворянин и ишутинец Дмитрий Каракозов специально приезжает в столицу, «неудачно» стреляет около Летнего сада в императора Александра II и погибает на виселице. Правительство через полтора года реагирует очень своеобразно: 13 октября 1867 года выходит Высочайшее повеление «Об учреждении в одной из Харьковских гимназий и затем по медицинскому факультету Харьковского университета двух стипендий в ознаменование памяти спасения драгоценной жизни Государя Императора 4-го апреля 1866 года».

5

В 1862 году Ушинский печатает в журнале «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ» вышедших в России в 1859, 1860 и 1861 годах книг и статей по части ПЕДАГОГИКИ». Указатель занимает 160 страниц и содержит 1837 позиций в 27 рубриках. Гигантский, но такой нужный учительству труд!

Это был последний год работы великого педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1824–1871) в журнале. Всего два года работы, а так много сделано! В следующей главе мы подробнее расскажем о работе К.Д. Ушинского-редактора.

Редакторское кресло занял Юлий Семёнович Рехневский (1824–1887) и, надо воздать ему должное, курс Ушинского он не поменял и остался ему верен. Хотя журнал снова становился более просветительским, нежели педагогическим, к идеям Ушинского здесь продолжали относиться с уважением. Например, в 1864 году опубликована информация о замечательной работе Ушинского «Родное Слово». Скажем здесь доброе слово и о министре просвещения тех лет Александре Васильевиче Головнине (1821–1886), который сумел значительно поднять авторитет министерства и почти удвоить его бюджет. К счастью, он поддержал все преобразования, сделанные Ушинским.

В 1866 году журнал опять публикует «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ книг и статей, относящихся до народного просвещения вообще и воспитания в России в особенности, вышедших в 1865 году». Но в этом Указателе (160 страниц) есть ещё и Азбучный указатель имён авторов на 12 страницах, среди которых: Бредихин, Буслаев, Бутлеров, Белинский, Греч, Грот, Даль, Чарлз Дарвин, Добролюбов, Загоскин, Забелин, Лавров, Менделеев, Некрасов, Пирогов, Писарев, Потебня, Прокопович-Антонский, Пушкин, Соловьёв, Срезневский, Уваров, Ушинский, Шевырёв, Экземплярский и Языков.

В этом же году происходит смена как руководителя министерства, так и нашего журнала. Министром почти на 15 лет становится граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), а главным редактором (с 1867 года) Александр Иванович Георгиевский (ум. 1911). Отметим, что именно его фамилия как редактора, ответственного за журнал, впервые печатается на последней странице. На предпоследней же странице можно ознакомиться с объявлением об издании в 1868 году педагогического журнала «Детский сад». Цель журнала — улучшение семейного и общественного воспитания маленьких детей.

В 140-й части журнала за 1868 год ощущается присутствие Ушинского. В ней особенно интересны такие статьи: «Русская азбука, или руководство для обучения детей сразу читать и писать, начиная с 6-летнего возраста», «Первые уроки русской грамоты. Букварь и первоначальное чтение», «К вопросу о малоуспешных учениках наших гимназий», «Что замедляет в гимназиях успех языкоизучения», «Руководство к обучению грамоте по звуковой методе барона И.А. Корфа», «Дар слова и Опыт дидактического руководства к преподаванию русского языка 9–11-летним детям».

Завершает этот номер рубрика «Современная летопись»:

**«ПИСЬМО Г. МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ИМЯ Г. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЛАВЯНСКОГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА В МОСКВЕ, М.П. ПОГОДИНА**

Милостивый государь,

Михаил Петрович!

Глубоко сочувствуя неутомимой и плодотворной деятельности состоящего в Москве под председательством вашего превосходительства Славянского Благотворительного Комитета и желая оказать возможное посредством Министерства народного просвещения содействие к успешному достижению преследуемой Комитетом цели — материальному и нравственному возрождению единоплеменных и единоверных нам австрийских и турецких Славян — я нашёл возможным назначить на сей предмет из отпускаемой в распоряжение моё суммы *тысячу* рублей, которые в непродолжительном времени будут переведены на имя вашего превосходительства.

Сообщая о сем вам, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

ГРАФ ДМИТРИЙ ТОЛСТОЙ».

До Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии оставалось 9 лет, и на Шипке всё было тогда спокойно...

Журнал Министерства Народного Просвещения появился в век Просвещения, расцвета российской культуры. Отвечая на требование времени, журнал не стал узко ведомственным, а достойно выполнял просветительскую миссию в качестве научно-популярного издания, отражающего научные, культурные, идеологические поиски общества.

Но за широтой проблематики он не забывал о своём главном предназначении — рассказывать «Об успехах народного образования», о тех проблемах, которые стояли перед школой. С особой силой педагогическое направление проявилось в 50–60-х годах XIX века, когда редактором журнала был К.Д. Ушинский. Но и после его отставки довольно мощно звучал со страниц журнала голос российского учительства.

Какие же проблемы волновали наших профессиональных пращуров? Предлагаем вам несколько публикаций из журнала разных лет. На наш взгляд, многое в них не устарело, многое побудит к размышлению, к анализу сегодняшних проблем и способов их решения.

Журнал Министерства Народного Просвещения, 1868 г., № 9–10

По вопросу о малоуспешных учениках наших гимназий

*Много званых,
но мало избранных.*

Руководствуясь правилом устава, что просидевший в одном и том же классе два года и не оказавший успехов не может остаться на третий год, гимназии производят ежегодно люстрацию, которая тем ужаснее и многочисленнее, чем более выказывается рвение к букве закона. Итак, коль скоро окажется в классе лентяй, ему сначала ставят единицы, потом оставляют на другой год в том же классе, допекают единицами — если на мальчика не сойдёт вдохновение свыше — до конца другого года и потом исключают. Бывают и такие случаи: кто-нибудь из членов педагогического совета входит в безвыходное положение мальчика-лентяя, держит за него пред своими товарищами речь в филантропическом духе, и лентяй переходит в следующий класс большей частью только для того, чтобы из него непременно быть исключённым.

Не принимая в расчёт весьма редкие случаи, выходящие из общего правила, причиной удаления из гимназий огромного большинства нужно считать так называемую на официальном языке малоуспешность и на быденном — лень.

Общество, веря дитя школе, прежде всего верит в её силы и средства; поэтому считает себя вправе требовать от неё воспитания и, если нужно, исправления дитяти. «Я не специалист в воспитании, — рассуждает, например, юрист, — да и времени у меня нет лишнего, стало быть, нужно отдать сына в школу, где знают, как вести дело, потому что ему только и служат».

В данном случае общество смотрит на педагога такими же глазами, как и на врача. «Больной, говорят врачу, ждёт вашей помощи». И если врач почему бы то ни было, по неумению или по невозможности, не оказал помощи, общественное мнение против него, будь только он вовремя призван, по мнению общества.

Хотя дитя поступает в гимназию и не в таком возрасте и не в таком состоянии, которое Локк называл *tabula rasa*, тем не менее его мораль находится в хаотическом состоянии. В нём всё, и худое, и доброе, — хотя не только в зародыше, а уже с достаточным подготовлением, то есть предрасположением в ту или другую сторону; но ещё ничего нет прочного. Что выдет из этого хаоса, что оседет на дно, что всплывёт наверх, что получит преобладание, это решит воздействие на него среды (семейства, родных и знакомых), товарищей, педагогов и случая.

Влияние школы сложнее, чем всё остальное, и, стало быть, должно и может быть заметнее. Это знают родители по опыту и часто в оправдание своего неумения воспитывать и своей слабости приводят извинение, что «в гимназии его (сына) ещё вышколят» или «в школе его исправят». Знают это и педагоги. Какой педагог, при взгляде на этот рой первоклассников, которые с такой охотой слушают его первые рассказы или выполняют первые работы, какой, говорим, педагог не окрылялся надеждой, что с ними он двинется дальше, что с этим новым человеком дело у него пойдёт лучше! Кто не задумывался, при взгляде на этот рой, о его судьбе и не возгорался желанием содействовать, по мере сил, образованию из него честных и трудолюбивых граждан! Стало быть, природа дитяти и родителями, и педагогами признаётся способной к тому, что ей предназначает школа.

Доверие к силам ребёнка со стороны родителей и педагогов — логическое следствие «обыкновенной истории» школьной жизни. Только между доверием родителей и педагогов та разница, что последним скоро наскучивает верить и надеяться, тогда как первые вечно любят, стало быть, беспрепятственно надеются.

Спрашивается: почему педагоги теряют веру в натуру мальчика и в своё искусство, — веру, которую они так стойко заявляют? Вопрос будет решён, если посмотрим в причины малоуспешности и в положение, в которое поставлен по отношению к ним педагог.

Вообразим педагога, который готов тратить и силы и время, лишь бы из малоуспешных сделать успевающих; что ему прежде всего нужно? Он должен распознать род малоуспешности, которой желает противодействовать. До какой степени нелегко даётся педагогам диагностика малоуспешности, лучше всего показывают те педагогические советы, как это по опыту знает каждый педагог, на которых рассуждают об успехах учеников; здесь редко сходятся преподаватели в оценке не только прилежания, но даже успехов. Трудность дела вытекает из того, что учитель приходит в соприкосновение с учениками только в классе и только с одной стороны, то есть по обучению своему предмету и в известный час. Гораздо выгоднее поставлен классный учитель или воспитатель: для него возможно невозможное для преподавателя. Что же касается до гимназического начальства, то оно, если только не занимается преподаванием, имеет ещё меньше возможности получить точные сведения о причинах малоуспешности учащегося. Владея данными о том, сколько раз известный ученик попадался в шалостях, сколько раз, когда и по какому предмету он был признан не знающим урока, оно может составить на основании данных понятие только о дисциплинарной нравственности, значит, ту холодную, ничего не берущую в расчёт, зато включающую всякое лыко в строку оценку, которая сразу показывает учащемуся, что руководителями правит не участие, а что-то невиданное ими в семействе, что-то отождествляющееся в детском воображении с отношением судей к подсудимым.

Одна из самых серьёзных и самых главных причин малоуспешности — удаление учащихся и руководителей от учеников. Отчуждение это прежде всего выражается в недоверии, а потом — во враждебности друг к другу той и другой стороны. Смешно сказать, но грех утаить, что враждебность существует в школе между учениками и преподавателями. Из-за детской шалости, а иногда просто из-за личного воззрения учителя дело доходит до ожесточения: учитель находит достойным своих педагогических забот преследовать своего врага всеми зависящими от него средствами, а ученик бросает учиться его предмету и ищет себе защиты у других преподавателей. Первоначальная причина таким образом осложняется: к ней прибавляется разъединение, а часто и враждебность самих преподавателей.

Школа, правда, не семья. Педагогические идиллии, про которые так сладко пишут педагогические романтики, — просто утопии. Тем не менее всегда желательно видеть в педагогических отношениях побольше искренности, благородства и правдивости, хотя это тоже не более, как *ria desideria*.

В малоуспешности и вялости педагогического дела в гимназиях обыкновенно вняты педагогические советы, а люди сведущие, равно как и заинтересованные делом, подают умные наставления, как их оживить, даже составляют программы бесед; но все предлагаемые меры нам кажутся паллиативными.

Учитель на службе — то же, что китайский мандарин. Соблюдена внешность, и дело в шляпе. Вовремя пришёл и вышел из класса, не манкирует, держит класс в повиновении и страхе, способные у него учатся, ленивые лентясы, шалуны шалят: вот официальный идеал педагога.

Вложить душу в своё дело, то есть расходуется всякий ремесленник, всякий деятельный и деловой человек, убеждённый в прибыльности своего труда, увеличивающейся с увеличением прилежания, педагог не может, потому что труд его оплачивается совершенно одинаково, и официальный запрос на него совершенно одинаков, будет ли этот труд подлинно или только формально добросовестный. Поэтому тот, кто среди общего равнодушия работает изо всех сил, работает ради какого-то абстрактного долга, становится в глазах своих товарищей смешным до степени Дон-Кихота.

Нужно сознаться, что обстановка педагогического ведомства у нас такова, что никакие извинения не могут оправдать педагогов в глазах общества, громко заявляющего своё неудовольствие каждый раз, когда за малоуспешность исключают из гимназии малолетних воспитанников или когда недостаток надзора за гимназистами обнаруживается в виде нарушения классной дисциплины, ухода из класса и неприличного поведения вне гимназии. Если бы педагоги сказали, что для устройства правильного и надёжного надзора за воспитанниками они не имеют средств, общество имеет полное право сказать: изыщите их, ваше ведомство самостоятельно; если они сошлются на объяснённое выше положение учителя, общество ответит: старайтесь его изменить к лучшему; вам, как и другим ведомствам Империи, предоставлено право совершенствоваться; словом, педагоги не могут придумать возражения, которое общество не могло бы разрушить одним указанием, что не школы существуют для педагогов, а педагоги для школ, что вести дело к лучшему не только право, но и долг педагогов, что средства, нужные для этой цели, должны быть известны им, присяжным специалистам.

Авторитет гимназии перед её воспитанниками, стало быть, настоящая, а не официальная её польза, зависит не от того, как думает о ней начальство округа, а от мнения заинтересованного её общества. Не всегда, конечно, мнение общества должно иметь цену в глазах педагогов; его значение зависит от основания, на котором строится

порицание местных педагогов. Если оно создаётся в салонах и касается манер, ловкости и светскости педагогов, то оно ещё не может существенно вредить последним, будучи усвоено теми немногими, которые считают себя способными, по образцу своих родителей, понимать и ценить аристократические достоинства. Если оно касается убеждений педагогов, и это не приносит никакого вреда, потому что остаётся недоступным для большинства учащихся, как непонятная отвлечённость. Но мнение, что педагоги не умеют учить и воспитывать, что они не знают своего дела, подкрепляемое фактами, совершившимися на глазах всей гимназии, как, например, исключение или оставление в том же классе большого числа учеников, быстро распространяется между всеми возрастами и слоями учеников, приобретает себе сторонников, доводит так называемых лентяев до ожесточения, а гимназию до скандалов. Опыт учит, что в такой гимназии никакие меры не приносят пользы, как бы ни были они хорошо обдуманы.

Всё сказанное здесь о педагогах не имеет цели ни обличительной, ни полемической; пишущим руководит желание доказать, что школа для очищения своей совести обязана употребить все усилия, чтобы не заслуживать справедливых нареканий общества и предложить на суд лиц, заинтересованных делом, средство, которое он считает годным для искоренения основного зла.

Корень зла, как мы старались доказать, состоит в удалении педагогов от обучаемых и в беспомощности последних. Стало быть, сближение учащихся и учащихся благоприятно повлияет на успехи школы.

Как достичь желанного деятельного сближения педагогов с учениками?

Никакие предписания, никакие уставы, как известно, не могут заставить человека сделаться добросовестным исполнителем своих обязанностей. Он будет добросовестен по форме, официально, а не существенно; ибо в педагогическом деле по преимуществу следует различать два вида исполнительности — официальную и добросовестную: в первой работает одно подчинение, во второй — сердце и мысль; исполняющий проникается предписанием, согревает его, одушевляет и действует от себя, как будто по собственному определению. Только такое исполнение плодотворно.

За исключением упорной лени, малоуспешность всегда может быть парализована своевременной и усердной помощью. Даже и самая упорная лень не поддаётся этой мере только по застарелости. Дети любят помощь, которая не подталкивается и потому не заставляет спотыкаться и падать, а спокойно и твёрдо ведёт к цели; они отзываются на усердие, уступают твёрдости, хотя и неохотно. Родители часто ищут этой помощи инстинктивно, нередко издерживая на неё свои незначительные средства. И если бы можно было привлечь всех преподавателей гимназии к помощи нуждающимся в ней по их предметам, малоуспешность в гимназии была бы тогда не правилом, а исключением.

Что есть запрос на такую помощь, доказывают частные пансионы, в которые и теперь гимназисты приходят только готовиться к утренним урокам. Нет сомнения, что родители предпочтут надзор и помощь целой корпорации преподавателей гимназии частному пансиону; а полный успех дела будет зависеть от усердия корпорации. Но так как от этого же усердия зависят и материальные выгоды корпорации, то можно с уверенностью сказать, что дело поведётся успешно.

Число живущих в гимназическом пансионе может возрасти до больших размеров, но при семи надзирателях или преподавателях пансион всегда будет иметь достаточный и должный надзор, который вместе с тем не будет обременителен и для надзирателей, что составит одно из главных условий их добросовестности. Все семь надзирателей, как сказано, остаются в пансионе ежедневно от 6 до 8 часов, но дежурит целые сутки один из них с помощью инспектора и старших из учеников. Старшие, избираемые случайно и не облагаемые никакой властью, этим самым и лишаются возможности злоупотреблять доверием; стало быть, они могут быть допущены в тех случаях, когда над ними самими есть надзор. Каждому надзирателю придётся дежурить целые сутки один раз в неделю, стало быть, сорок четыре раза в одиннадцать учебных месяцев, что нельзя считать тяжёлым трудом, а получаемые за это 293 рубля — скудной платой... ибо приходится по 5 рублей с копейками в сутки, то есть немного более чем получает теперь преподаватель, дающий по четыре урока в день. Если же приходящих на вечерние уроки будет тридцать человек, за что ручаются пансионы, приготавливающие гимназистов к классам, то на долю каждого надзирателя придётся 667 рублей — весьма почтенная добавка к получаемому жалованию, которая избавит педагогов от необходимости искать средства вне гимназии и заставит их сосредоточиться *volens nolens* на своей профессии.

Для успеха дела необходимо только одно — чтобы преподаватели были готовы к преподаванию, к чему, как было сказано, преподавателей-надзирателей будет побуждать необходимое стремление всякого рабочего — не делать одного и того же два раза, если можно сделать за раз. Не участвующие же в надзирательстве преподаватели будут готовиться к классам, потому что их деятельность всегда будет перед глазами других, занимающихся надзором, стало быть, в случаях нужных может сделаться предметом советского обсуждения: словом, их будет понуждать другой, не менее сильный производитель человеческих успехов — самолюбие.

Ив. Гаврилов
Тула, сентябрь 1868 года